

СТАНОВОЙ ХРЕБЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Когда-то Константин Симонов назвал войну самой тяжёлой в жизни работой. Эту мысль подтвердил и писатель Евгений Носов, показавший, что такое труд солдата: «...Долго идти, тяжело нести, изо всех сил толкать... копать хлипкой лопатой... мёрзнуть, зуб на зуб не попадая, колотить промёрзшими валенками, перемогать сырость, дождь, жару». Такая работа по плечу лишь молодым и сильным, закалённым физически.

Во все времена тяготы войны выносила на своих плечах в основном молодёжь. Об этом повествует и эпохальная быль воспоминаний, и военные книги, и фильмы («В бой идут одни старики», «Навеки — девятнадцатилетние»).

Но есть у воинов ещё один ресурс, может быть, самый сильный, самый загадочный для наших врагов, — это дух воинства, его вера в победу, любовь к Родине. Эти качества уже несколько веков передаются воинству России от поколения к поколению — от дружинников князя Игоря, потешных полков Петра I, от воспитанников кадетских корпусов.

Предлагаем вам две публикации на тему преемственности традиций доблести, отваги, самоотверженности.

Кавад Раш,
писатель,
капитан I ранга
запаса

Сегодня невозможно сделать ни одного правильного шага в патриотическом воспитании в школе, институте, военном училище, университете, не осмыслив глубоко, честно и строго опыт последнего столетия в национальном воспитании. Прежде всего эта работа необходима для создания новых книг. Их ждут те граждане страны, которые сегодня ходят в школу, а завтра пойдут в армию. Вместе с ними этих книг ждут их воспитатели, учителя, родители, а значит, вся страна.

Перед нами сложная задача — возродить душу народную, искажённую столетием нечеловеческих испытаний, прошедшую через страшные мировые войны, гражданскую бойню, террор. Возродить душу, придавленную ложью, насилием, организованным разгулом криминала, столетием богоотступничества, опустошённым материализмом, истреблением нравственных законов отцов. Духовное возрождение есть очищение сердца от всей скверны, наполнение его светом родной веры, которая важнее оружия, боеприпасов, денег и даже хлеба насущного, ибо вне веры нет ни благ, ни армии, ни страны, ни самой жизни. Теперь мы знаем это лучше всех на свете.

Моральные начала, на которых воспитываются патриот, гражданин, солдат, должны пронизывать жизнь всей нации в целом и прежде всего стать незыблемым законом для нашей школы. Сейчас в обширном Отечестве, кроме церкви и армии, нигде не учат самопожертвованию — ни в одной школе, ни в одном вузе. Не потому ли даже правительство не даёт нам примера самоотверженного, жертвенного служения интересам народа и страны, ради чего и создано, ради чего и избрано нами?

Страшный раскол в обществе грозит гибелью всему государству, ибо царство, само в себе разделившееся, не устоит, как учит Святое Писание. Духовная целост-

ность государства — первейшая забота всех, от президента до каждого гражданина. Мы уже успели забыть, что расшатывание государства и последующая его гибель начались с многомесячной истеричной вакханалии вокруг школы, вокруг педагогов-новаторов, возмечтавших в одночасье революционизировать школу. Между тем и школа, и армия — институты благородно и спасительно консервативные.

Ни одна страна в мире не экспериментировала в педагогике за последние пятьдесят лет больше, чем Соединённые Штаты. Они учили детей на лужайках, в музеях, без учебников, лёжа, в походах, ну разве что не заставляли детей стоять на уроке на одной ноге. Надо отдать должное мужеству американцев: они наконец уяснили себе, что экспериментировать на детях аморально, когда до основания разрушили систему образования и дошли до стрельбы в школах и массовых убийств. После всех «новаторских» ухищрений они честно признались: традиционная школа со строгой дисциплиной и почитанием учителя остаётся недосыгаемым идеалом в педагогике. То же самое можно смело сказать и про армию.

Коли воспитание благородно консервативно, то оно должно быть обеспечено такими же консервативно-просветлёнными учебниками, литературой и телепередачами. В слово «консервативный» я вкладываю первоначальный смысл: в переводе это значит «охранительный», равный значению слова «благородный». Если защита детства, семьи, веры, истоков, порядка и природы есть дело консервативное, то быть консерватором — то же, что и быть патриотом своей Родины, государственнымником. Именно поэтому друг Пушкина князь Пётр Вяземский говорил, что по мировоззрению Пушкина можно назвать «свободным консерватором». В данном случае «свободный» — значит открытый для разумных веяний и взвешенных перемен, а «консерватор» — защитник извечных, просветлённых основ жизни. Потому я неколебимо придерживаюсь спасительной пушкинской политической традиции, истоком которой была любовь к Родине.

Этот негасимый консервативный огонь любви к Отечеству проявился ярко в лицейском подростковом возрасте в канун Бородине, когда он с друзьями провожал русские полки, завидуя тем, «кто умирать шёл мимо нас». Вели полки недавние кадеты. При Бородине под ядрами, не дрогнув, стояли 16–17-летние юноши офицеры. Они же ходили в штаны с Ермоловым, Багратионом, Дохтуровым, Барклаем де-Толли. Смело можно сказать, что славой Бородине мы обязаны кадетам, которые до этого возглавляли суворовских богатырей в Альпах.

...В августе 1797 года в Петербург под музыку флейт и барабанный бой вошёл батальон загорелых подтянутых кадет в белых холщовых рубахах. Они возвращались из петергофских летних лагерей. Вёл батальон директор корпуса, пятидесятилетний боевой генерал-лейтенант Михаил Илларионович Кутзов. Со времён «потешных» Петра кадеты были любимцами

русских царей. Ничто не доставляло такого удовольствия императору-рыцарю Павлу, как присутствие в пять утра на побудке в кадетском корпусе. Потешные Петра, первые русские кадеты, спасли честь России при Нарве, выиграли Полтаву, а на море разбили при Гангуте шведов. Новую Россию с Петром создавали потешные, а стало быть — кадеты.

...Тем августовским солнечным днём генерал Кутзов привёл батальон юных дворян на Сенатскую площадь, чтобы будущие офицеры отдали честь всаднику на вздыбленном коне — отцу Отечества, создавшему град святого Петра — красивейшую столицу мира. Эти кадеты будут с Кутзовым при Бородине. Они же войдут в Париж.

...Мы ещё не вернули школьникам имён подлинно выдающихся адмиралов Сарычева, Чирикова, Шишкова, Головина, отца и сына Чичаговых, пятерых братьев Орловых и Потёмкина, создателя Черноморского флота. Отдельной темой стоит Пётр I, триста лет подвергающийся клевете. Человек, сотворивший Россию, не даёт покоя всем нечистым. Недавно лжеукраинцы потащили на Берлинский кинофестиваль грязную стряпню о Петре. Пущено в ход, как всегда, последнее средство клеветника — обвинение Петра Великого... в гомосексуализме. Это средство клеветники пускают в ход в состоянии отчаяния и истерии. Таким же образом пытались запачкать уже много великих и светлых людей. Не сработало ни разу. Не получится тем более и с Петром Великим.

Ни один человек на земле не сделал больше Петра для военного воспитания молодёжи. Создание потешных полков, ставших русской гвардией, было делом жизни и смерти как для царя-отрока, так и для русского государства. В Кожуховском примерном бою потешные разгромили стрельцов. Бомбардир-царь захватил в плен стрелецкого полковника. Пётр I мечтал увидеть Россию первой державой в целом свете и заложил основы этого величия. Он сам начал службу

рядовым и до Полтавы, за которую получил контр-адмирала, ни одного звания не перешагнул. Святое подвижничество царя-преобразователя во имя России длилось до последнего вздоха. Ярче Петра в мире не просиял ни один правитель.

...Англичане утверждают, что битва при Ватерлоо была выиграна на спортивных площадках Итона и Харроу. В этих закрытых аристократических заведениях готовили будущих командиров английской промышленности, флота, армии и министров. Закономерно: чем аристократичнее учебное заведение, тем суше порядки, холоднее постель, проще пища и грубее одежда. Обстоятельство, непостижимое для наших разбогатевших плебеев, которые, как и все воры и мошенники, считают, что «бытие определяет сознание». Нувориши запикивают в детский «зоб» своих отпрысков дорогую обильную снедь, убеждённые, что хорошо живёт тот, кто больше ест, напрягает меха, отдыхает за границей, держится подальше от армии. Черчилль, покинув пост военного министра, признался: «Чем дальше от армии, тем больше денег». Русские дворяне рвались туда, где меньше денег и смертельно опасно.

Роль школы в успехах нации отметит и железный канцлер князь Бисмарк, считавший, что «битву при Седане выиграл немецкий школьный учитель».

После Сталинграда улыбкой победы в изнемогающей от борьбы стране стали суворовцы, чей облик вернул нам свет и строгость кадетских лиц, дошедших до нас со времён отчаянных потешных Петра.

После Петра наибольшую привязанность к кадетам проявил император Николай I. Только в Морском кадетском корпусе он побывал 97 раз за своё царствование.

В 1831 году умер адмирал Сенявин. Он завещал похоронить себя как простого матроса. Государь Николай I нашёл и в этом случае возможность воздать должное адмиралу. Сенявин был похоронен как матрос, его последняя воля была

выполнена. Гроб с телом адмирала сопровождал только взвод матросов. Но во главе этого взвода шёл по всему Невскому проспекту до лавры сам император. Потрясённые петербуржцы молча взирали на это невиданное доселе шествие. Похороны Сенявина, как и выход к Сенатской площади батальона кадет во главе с генералом Кутузовым, относятся к великим минутам священной столицы Петра и истории России.

Отношение к кадетам, к армии, в которой служит молодёжь, — высший экзамен на подлинность и мудрость как для общества, так и для главы государства. Насколько известно, с 1943 года ни один глава государства не посетил ни одно суворовское училище как и единственное в мире Нахимовское училище в Петербурге. Такое государство было обречено на неминуемое разрушение.

В 2000 году исполнилось двести лет со дня смерти Александра Васильевича Суворова. Практически ни одна газета не отметила этой даты, если не считать жалкой заметки в «Красной звезде». Мы часто с пафосом произносим имя Суворова, но, по сути, не знаем его, а значит, не любим. Его «Наука побеждать» не вошла до сей поры в жизнь армии. Суворов, воспринявший Воинский устав Петра I как Священное Писание и знавший его наизусть с детства, является наиболее совершенным учеником Петра.

Армия — это сосредоточенная нация со своим уставом, впитавшим многовековую ратную жизнь народа, со своими традициями и своей душой. Часто душой армии называют дисциплину, разумеется, не бездушную, муштровую, а одухотворённую, рождающую, по Пушкину, «радостное повиновение». **Дисциплина — явление духовно-волевое, создающее целостность армии и её боеспособность. Культура — это, по сути, одухотворённая дисциплина.** Наш великий физиолог Иван Павлов на свой манер заметил: «Культура — это торможение». Древние в чувстве меры видели проявление божественного начала в человеке. Не может быть в народе две души. Если дисциплина — душа армии, то она и душа того народа, дети которого служат в армии. Подвижников рождает святая дисциплина, пронизанная светом. Находят же возможным святые отцы называть смирение проявлением божественности. Ни один приказ не может быть исполнен без боевого смирения-подчинения.

Дисциплина делает человека собранным и готовым к действию. **Утрата дисциплины в школе, армии, народе приводят к расслабленности, порокам, преступлениям. Все победы в истории при равенстве сил и оружия делаются превосходством духовной дисциплины и порождённой ею решимостью и стойкостью.** Великими победами называются чаще всего те, что одержаны над превосходящим в оружии и числе противником. Такая победа невозможна без превосходства в воле, которое рождается **от высочайшей дисциплины чувств, выраженной в патриотизме.** Опрятность, бережливость, нравствен-

ность, законопослушность проистекают от дисциплины, формирующей целостность натуры. **Дар одухотворённой дисциплины — наивозможнейшее счастье и источник всех благ на земле.** Всю литературу для юношества и всё воспитание юношества должна пронизывать благородная и возвышающая приверженность к осознанной дисциплине, дарующей здоровье и верность. Н.М. Карамзин говорил: «Народы верностью счастливы». Дисциплина, духовная собранность есть верность душе народа и смирение перед Богом. Бог это и есть одухотворённая дисциплина, о чём хорошо знают подвижники.

Мы знаем примеры из жизни Рима в периоды расцвета республики, когда консулы за преступления против дисциплины приговаривали к смерти собственных сыновей. **Склонность к расслабленности, распущенности, греховной анархии под видом свободы есть путь преступлений, служение нечистому.** По слову Спасителя, нет выше той любви, как если кто положит душу свою за други своя. Коли нет выше любви, то нет и выше культуры. Потому армия, стоящая на дисциплине и самопожертвовании, есть не только сосредоточенный народ, но она есть и концентрированная культура, и хранитель всех огней народа.

Предреволюционная армия не сумела вышколить офицерский корпус на этих началах, как не сумела сделать дисциплину сверхзадачей офицерства. Именно офицерства, ибо офицер воспитывает старшин, сержантов и солдат. Только он, офицер, является постоянным, кадровым профессионалом, в отличие от сменяющихся рядовых. Но ни русская мысль, ни литература, ни Русская православная церковь не сумели поставить перед родным народом идею всепронизывающей одухотворённой дисциплины как становой национальной добродетели. Дисциплина для воина — это высшая боеготовность, для гражданина — качество всех видов труда, чистоплотности, трезвости, бережливости, для священнослужителя — это аскеза внутренняя и внешняя, исключаяющая брюхатость, неряшливость, расслабленность. Мы стали, по слову Святых Отцов, подобны раскормленным птицам, которые «имея крылья, влачатся по земле».

Самый актуальный для нас век — это «осмнадцатое» столетие — век бурного созидания, движения, исканий и просвещения. Мы должны предложить юношеству новые книги. Нравственным стержнем книг для школьников и молодёжи призывного возраста должно быть суворовское: «Не тщишь на блистание, но на постоянство». Иван Аксаков в речи при открытии памятника Пушкину сказал: «Да не в том ли вся сумма наших бед и зол, что так слабо в нас во всех — и в аристократах, и в демократах — русское историческое сознание, так мертвенно историческое чувство?..»

Не может быть в воспитании две идеологии, не может государство само в себе разделиться, ибо и для личности, и для семьи, и для державы целостность есть первое условие безо-

пасности, дееспособности и счастья. **Мы ждём человека цельного, просветлённого и дисциплинированного,** такого, каким был причисленный к лику святых адмирал Фёдор Ушаков — эталон гражданина. Для этого «вспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к Отечеству с первыми впечатлениями памяти есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к Родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах; они усиливаются с годами, приготавливая храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета». Этими как бы отлитыми в бронзе строками польского писателя и поэта Юлиана Урсына Немцевича выражена сверхзадача воспитания.

Память молодого поколения, недавних школьников, о деяниях предков, историческое сознание народа со всей патриотической мощью проявились в годы Великой Отечественной войны, с первых же её месяцев — в битве под Москвой. Прелюдией этой битвы стало сражение под Ельней на Смоленщине. Здесь впервые наша страна и мир узнали о несокрушимой мощи сибирских дивизий, сформированных из молодёжи. Под Ельней сибиряки впервые встретились с крупными силами эсэсовцев. Эсэсовцы были ещё свежи и уверены в себе. Полк за полком спускался с холмов. Молча, под рокот танков, без выстрела шагали они, зачарованные собственной поступью, опьянённые молодой силой. Горизонт был чёрен от их мундиров. Они шли, несмотря на беглый ружейный огонь. На острие удара, нацеленного в сердце России, Гитлер поставил дивизию СС «Рейх». На позиции сибиряков надвигалась страшная сила отборных нацистов. Шли чёрные батальоны «господ», любимые нибелунги Гитлера, надежда фюрера. Обе рати сошлись под августовским небом. Почернела смоленская древняя земля. Эсэсовцы продолжали шагать через тела павших товари-

щей. Расстояние между ними и нашими окопами неумолимо сокращалось. Напряжение достигло предела. Из наших окопов нет-нет да и стали выбегать солдаты, устремляясь прочь от этой нечеловеческой чёрной армады. И тут, когда, казалось, всё погубило и нет силы, способной сдержать бронированные тупорылые громады «Тигров», «Пантер» и чёрные мундиры, закрывшие родной горизонт, за нашими окопами вдруг грянул невиданной мощи мужской хор. Это подошедшие сибирские полки запели «Широка страна моя родная...» и, встав во весь рост, пошли навстречу врагу по смоленской земле. Тысячи штыков сверкнули стальными гранями.

Так двигалась волна народного гнева от тихоокеанских берегов Отечества и через десять тысяч вёрст докатилась до Москвы. Когда пробил час Сибири, она поднялась на недосягаемую для нацистов высоту и обрушилась на них тысячеголосым хором и штыковым ударом. Надежда фюрера дрогнула. Цвет германского войска был сокрушён и отброшен. Ельня, как Фермопилы, как Марафон или Бородино, принадлежит теперь тысячелетиям...

Сибиряки стали одними из главных действующих лиц в битве за Москву, где решалась судьба мира. Маршал Жуков умел распознавать настоящих воинов и ставить их на самые опасные участки. Сибиряки оседлали дороги на Москву, перерезав коммуникации противника и став с ним лицом к лицу на главных направлениях атаки нацистов. На Волоколамской дороге — 78-я дивизия генерала Белобородова, с юга дорогу на Москву заслонила 258-я дивизия, полки которой формировались в Сибири; на питерской дороге стала, как вкопанная, 133-я Сибирская дивизия. У Солнечногорска вцепилась в немцев будущая 25-я гвардейская дивизия сибиряков, которая потом станет Синельниковской и Будапештской. Ядро её составляла морская пехота из Тихоокеанского флота и Амурской флотилии. Пять морских бригад сибиря-

ков и уральцев прославятся у Белого Раста, Яхромы и Дмитрова. У Белого Раста моряки сбросили полушубки в трескучий мороз и остались в бушлатах. Из-за пазух они достали бескозырки и бросились вперёд. Они неслись на пулемётный огонь по снежному полю, среди разрывов, не желая ничего слышать и замечать. Бежали, пока не сошлись врукопашную на передней линии траншей. Когда морской пехотинец и сибиряк соединяются в одном лице — смерть неотвратима. После войны к Белому Раству десятилетиями привозили из Питера нахимовцев, участников Парада на Красной площади, чтобы те возросли духовно от соприкосновения с полем Белого Раста. Бригада сибиряков в тельняшках стояла полноценной дивизии по боевой ярости и стойкости.

В страшный октябрь 41-го прямо из вагонов-теплушек пошли в бой две сибирские дивизии. 24 октября в дело вступила 93-я Восточно-Сибирская дивизия генерала Эрастова. Четырьмя днями позже полк за полком располагалась западнее Кубинки, у Труфанова, Болдина и Дорохова 82-я мотострелковая полковника Карамышева. На дивизию Эрастова у Подольска навалились две дивизии вермахта и сотня танков. Дело доходило до ожесточённых рукопашных, но враг не прошёл. На эшелонах этих двух дивизий на вагонах белели надписи: «Сибиряки клянутся: враг под Москвой будет остановлен и уничтожен».

...На рассвете 13 октября началось сражение на Бородинском поле между сибиряками Полосухина, танками из группы генерал-полковника Хеппнера и панцер-гренадёрской дивизии «Рейх» одноглазого и бесстрашного Пауля Хауссера. Это была лучшая даже среди отборных дивизий СС. За 129 лет до этого девять сибирских полков полегли как один на шевардинском редуте, у багратионовых флешей, на батарее Раевского.

Тогда-то сибиряки и изумили впервые всех невиданной стойкостью духа. Теперь на Бородинском поле встретились с обеих сторон отборные части, цвет обеих наций, крестьяне Германии и России, сибиряки — против СС. Это было похоже на древний поединок богатырей перед решающим сражением, если бы не была нарушена святая заповедь поединка, требующая равенства сил и оружия. Эсэсовцы превосходили сибиряков втроекратно.

Семь дней гремела огненная сеча на Бородинском поле. Дымились десятки танков. Укрепления переходили из рук в руки. Немцы уже на второй день ввели в бой свежие силы. У деревень Артёмки, Утицы, Князьково стоял непрерывный гул канонады. Поле было изрыто снарядами, перепахано гусеницами. Сибиряки-пушкари, как и встарь, показали себя мастерами дуэлей. Орудийный расчёт сержанта Русских вступил в поединок с восемью танками. Расчёт погиб, но и танки остались на поле. Прикрыв зенитную батарею с флангов крупнокалиберными пулемётами, зенитки били танки прямой наводкой в упор. Их накрывали миномётным огнём, но они оживали вновь и вновь. На третий день немцы сумели вклиниться между двумя полками и рассекли дивизию. 18 октября нацисты, взбешённые тем, что ничего не могут поделывать с одной дивизией, подтянули подкрепления и ринулись на позиции сибиряков. Шёл рукопашный бой по всему Бородинскому полю. Комдив Виктор Иванович Полосухин появлялся на самых опасных участках.

...На Бородинском поле рядом с памятником Кутузову высятся теперь гранитный монумент в честь Сибирской дивизии Полосухина. На шесть суток она задержала врага... На поле русской славы сибиряки подбили 117 танков. Десять тысяч отборных немецких солдат остались лежать на этом заснеженном русском поле. Половину состава дивизии потеряли и сибиряки, но дух полосухинцев не был сломлен.

Тогда же, в грохоте Московской битвы, среди вспышек огня, под невидимыми стенами Москвы родится явление, дотеле неведомое миру, подобное великому чуду. Оно замелькает на страницах газет всего мира, войдёт в военные учебники и донесения, станет стратегическим фактором войны. **Явление это — духовного свойства, самый бесценный ресурс России воплотился в нём, и имя ему — сибирский характер.**

Сибирский характер стал под Москвой военным фактором. Его в немецких штабах стали принимать в расчёт как показатель мощи, нечто такое, что крепче брони, сильнее огня.

...Вся панфиловская дивизия была сформирована в пределах духовной Сибири, ограждённой с юга тремя казачьими войсками — Уральским, Семиреченским и Сибирским. Разве имеет значение то, что политрук роты Василий Клочков, воодушевлявший панфиловцев у разъезда Дубосеково, где село Нелидово, был родом из села Синодского Саратовской области? Там ему воздвигнут памятник. Василий Клочков был сибиряком по духу, воспитанником алтайского комсомола.

Сначала у разъезда Дубосеково пошла на панфиловцев волна автоматчиков. Красноармейцы отсекали их огнём и заставили зарыться. Во второй волне пехоту поддержали двадцать танков. Четырнадцать из них запылают. В третьем приступе на панфиловцев двинулись тридцать танков. Говорят, именно тогда Василий Клочков сказал поредевшей роте: «Велика Россия, а отступить некуда. Позади — Москва!»

Готовность к бою — вот высочайшая отличительная черта сибиряка. Когда сибиряки оказались перед лицом танковых армий с противотанковыми ружьями и гранатами, они показали высокую жизненную силу, адаптацию, стали охотниками за танками, что соответствовало их натуре, ибо настоящий сибиряк — в душе охотник на крупного зверя.

В середине ноября нацисты приняли последний решительный штурм столицы. Эпицентр битвы — Волоколамская дорога. А на дороге этой «прямоезжей» против отборных частей СС стали сибиряки дивизии полковника Афанасия Павлантьевича Белобородова. Немцы были уверены в себе. Только месяц, как они «очистили» котлы у Вязьмы и Брянска, а Гиммлер, рейхмаршал СС, уже назначил начальника войск СС для покорённой Москвы — одного из своих любимцев, генерала фон Бах-Залевского.

16 ноября всей мощью противник обрушился на дивизию Белобородова. От взрывов земля пошла ходуном. Гул моторов, дым, гарь, оголённые осколками, искалеченные деревья, вой бомб и — танки, танки, а за танками — цепи. Атака за атакой. Дрались все. За строевыми в бой ввязались ездые, писари, связисты, штабисты, повара, музыканты. Немцы боялись штыкового боя. Сибиряки знали, что в рукопашной они сильнее, и бросались навстречу эсэсовцам. Против одной дивизии сибиряков — четыре немецких соединения: две пехотные дивизии, мотогренадёрская дивизия «Рейх» и 10-я танковая.

В конце 20-х годов в боях на КВЖД политрук Белобородов показал такие примеры бесстрашия, что начальство долго ломало голову над его наградной характеристикой, но так и не найдя слов для того, чтобы выразить восхищение, написало: «Дрался, как чёрт!» Сражение сибиряков против дивизии СС «Рейх» и 10-й танковой вермахта под Москвой можно приравнять к отдельной самостоятельной битве.

6 декабря начался закат «тысячелетнего рейха» — Жуков начал контрнаступление.

В шесть утра в кромешной темноте на участке 30-й армии Лелюшенко, обращённой к Клину, в чистом поле запылали гиганские костры. В их свете в атаку пошла 365-я дивизия уральских стрелков, прибывшая на фронт три дня назад.

...В маскхалатах молча идут они, цепь за цепью, их поддерживают уральцы и москвичи. Дерзкое ночное наступление лишает немцев преимущества в танках и авиации. Авиация ночью слепа, а заледеневшие на морозе танки не заведёшь. Когда над землёй занялась заря, оборона фашистов была прорвана на пять километров в глубину и до двенадцати километров по фронту. Захвачено знамя полка 36-й моторизованной дивизии вермахта — первое знамя врага.

Все военачальники, как наши, так и западные, не скрывают удивления и восхищения гениальным полководческим чутьём на выбор дня и часа контрнаступления. Выбор времени для удара они считают едва ли не самым творческим фактором войны. Только полководец, который держит перед мысленным взором весь театр военных действий и постигает скрытый механизм войны, мог настоять на мощном контрударе именно в этот день и час. Если бы Жуков хоть на день или два опоздал с контрударом, немцы, которые выдохлись к декабрю, немед-

ленно бы окопались, зарылись в землю, оградилась минными полями, колючей проволокой, подтянули резервы, горючее, припасы, одежду — и всё это у порога Москвы. Жуков понял: промедление смерти подобно.

До конца войны во всех немецких штабах будут внимательно следить за передвижением сибирских дивизий. Враг знает, что сибиряков зря не передвигают. На всех наших фронтах после Москвы укоренилось убеждение: где сибиряки — там победа.

Что такое Сибирь? «Что пророчит сей необъятный простор?» Каким усилием веков, поколений и отбора породил священный край этих негибимых людей — сибирские полки?

Сибирь ни часа не знала крепостничества и никогда не была каторгой. Даже ГУЛАГ не справился с ней, как показал 41-й год. Осваивали Сибирь поморцы, новгородцы и казаки. За ними пришла ещё одна отборная часть русского народа — староверы, которые измене своей вере — Православию предпочитали самосожжение. Вот когда народ не безмолствовал, а искал в Сибири Беловодья «без татьбы, воровства, пакости». Здесь искали национальный земной идеал. И не говорите мне, что это ничего не значит — родиться между Уралом и великим океаном, возмужать в самом просторном доме на Земле, порог которого омывался студёным прибоем Ледовитого океана, а окна распахнуты на степи и горы Азии, где вся граница окаймлена золотой крестьянской нивой, ограждённой семью из десяти священных казачьих войск-орденов. Не говорите, что просторы не вырабатывают походку, морозы не бодрят дух, ураганы не закаляют волю, леса не настраивают на думу, — откуда же тогда сибирский характер, ставший военным фактором? Откуда эти молодые люди, показавшие миру беспримерную силу духа, дисциплину, безграничную любовь к Отечеству — становой хребет национальной добродетели? Не это ли давало им силу шагать во весь рост с песней на чёрные полки эсэсовцев?

Но даже Сибирь, которая обширнее Соединённых Штатов, и та только часть России — так велика Россия! Ни одному врагу не удалось пройти Русь из конца в конец: «не хватит на то мышины их натуры», как сказал бы полковник Тарас Бульба.

Будущее России связано с Сибирью и Тихим океаном. Когда народ прёт отдыхать в Сочи, в Туретчину и на Кипр — это верный признак стариковства общества, его холуйской деградации. Молодой и здоровый народ тянет на великие реки, в тайгу, в Сибирь.

Мы до сих пор не смогли по силе воли и по силе духа стать вровень с сибиряками 1941 года — наследниками воинской славы Отечества... **НО**